

Блок 7

Сегодня. - 1994. - 15 февр. - с. 15.

Друзья, родные — милый хлам

Василий Ливанов. Невыдуманный Борис Пастернак. «Москва», 1993, № 10, 11

Константин Поливанов

Ч

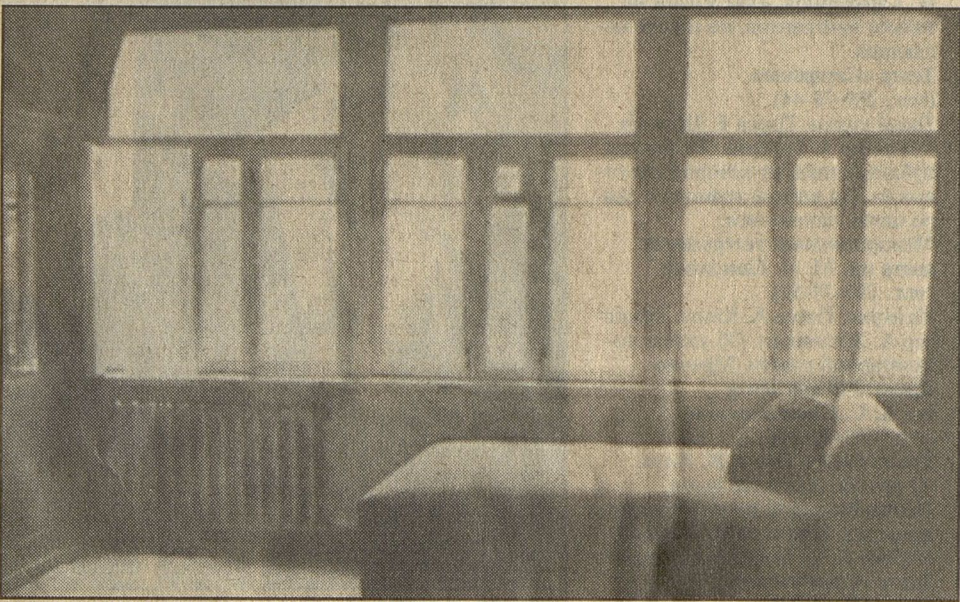
астная жизнь писателя, его отношения с родными и близкими, с эпохой и властью в последние десятилетия оказались в поле пристального внимания. Оценки художественных текстов все чаще зависят от внелитературных причин. Даже выяснение того, с кем из адресатов лирических стихов поэты находились в постельной связи, не вызывает у нас брезгливости. Для удовлетворения любопытства всех сортов мы набрасываемся на многочисленные «воспоминания современников», частную переписку, публикаторы (или авторы) которых, прикрываясь благородной целью снабдить любителя литературы «важной» информацией о творческой лаборатории писателя, стремятся порой не столько даже удовлетворить амбиции, сколько свести счеты — если не с «героями» мемуаров, так с кем-то из их окружения (или на худой конец с конкурентами).

Уже беглое знакомство с воспоминаниями и впечатлениями Василия Ливанова легко объясняет и выбор места публикации (журнал «Москва»), и награждение автора «премией года» этого — идеологически вполне определенного

ской жизни в значительной степени благодаря домостроительному таланту жены сохранял внешние черты советского благополучия.

З. Н. Пастернак была человеком бесспорно неординарным, и лучшим свидетельством тому являются недавно дважды опубликованные письма Бориса Леонидовича к ней. Более чем естественно ее постоянное стремление оберегать устойчивость быта, неотъемлемыми чертами которого были и машина с шофером, и домработница, и досуг за картами с женами Н. Погодина, И. Сельвинского и К. Тренева, и, конечно же, воскресные застолья, украшенные частым присутствием яркого актера и режиссера, пятикратного лауреата Сталинской премии Бориса Николаевича Ливанова.

После смерти Пастернака благополучия не осталось и в помине — гонимая за западные издания вдова не получала, книги не выходили, пенсию ей выхлопотать не удалось. Надежды на издание книг Зинаида Николаевна, очевидно, связывала только с возвращением мужу репутации «правильного советского писателя», тем более что именно таким ей всегда хотелось его видеть. Вспомним ее реплику 1947 года, записанную Л. К. Чуковской: «Борис — и Ахматова! Нашли с кем сравнивать! Борис — человек современный, вполне советский, а она ведь нафталином пропахла». В недавно опубликованных мемуарах Зинаида Николаевна утверждает, что Пастернак передал свой роман за

КАБИНЕТ БОРИСА ПАСТЕРНАКА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

КОСТРЫ АМБИЦИЙ

— издания. Ливанов описывает поэта самолюбивым, лстивым и «коварным, как женщина». В «евангелических» (по слову автора) стихах из «Доктора Живаго» ему видится самоотожествление поэта с Богом; раннюю кончину младшего сына Пастернака (в 1976 году!) Ливанов склонен объяснять готовностью поэта на старости лет «порвать провода для первой же юбки». Мы узнаем, что Пастернак до конца дней не мог пережить «непосильного внутреннего соперничества с мертвым Маяковским», а, создавая образ Евграфа Живаго, стремился подлизаться к Сталину и чекистам — причем гораздо «трусливее», чем Булгаков, писавший с той же целью «Батум». Проявление «трусливости» видит Ливанов и в истории телефонного разговора Пастернака со Сталиным; при этом единственным «честным» источником информации он полагает воспоминания Н. Вильмонта (кстати, одного из адресатов эпиграммы, первая строка которой вынесена в заголовке этих заметок). Немало места уделено необычайно раздражающей автора внешности Андрея Вознесенского, а написанное об Ольге Севолодшне Ивинской невозможно и пересказать. Кроме этих «открытий», мемуары Ливанова содержат письма, записки, надписи Пастернака, адресованные родителям автора; из них куда лучше восстанавливается атмосфера многолетней дружбы. Одно из последних писем, обозначившее разрыв Пастернака с Борисом Ливановым, помогает понять отношение мемуариста к другу своих родителей.

Впрочем, опубликованное «Москвой» не заслуживало бы подробного рассмотрения (не будем же мы всеерьез «защищать» Пастернака), если б история размолвки Пастернака с Ливановым сводилась к тривиальной истории о том, как поссорились Борис Леонидович с Борисом Николаевичем. За «несправедливостью» Пастернака в последние годы жизни в отношении близких друзей выявлялась невозможность существовать в рамках устоявшегося обихода, в который более не вмещалась жизнь автора «Доктора Живаго». «Становится глупой частностью нашего существования, стеснительной и требующей много жертв, моя дружба с Борисом», — писал Пастернак жене в 1957 году. И далее объяснял, что люди, начинавшие вместе путь «от станции отправления», неизбежно расходятся, когда одним кажется, что полдороге, что «путешествие завершено», а другие вынуждены, пренебрегая «чувством дружбы», продолжать движение в одиночестве — если хотят не «только напуметь в жизни», но и что-то сделать.

Силою обстоятельств к середине тридцатых Пастернак оказался в позиции литературного вельможи: место в президиуме помпезного Первого съезда, членство в правлении СП, включение в делегацию антифашистского писательского конгресса в Париже, квартира в роскошном доме и одна из первых дач в Перedelкине, которое было задумано партийным начальством как заповедник писательской элиты. Впрочем, неумение и нежелание Пастернака соблюдать правила игры литературной номенклатуры достаточно быстро превратили его из кандидата на замещение вакансий первого поэта в мишень для регулярных проработок. Перемена позиции дала Пастернаку чувство внутренней свободы, столь необходимое для создания «Доктора Живаго». В то же время ход перedelкин-

границу, «напившись на грандиозном обеде с Ливановым, Фединим и итальянцами», что в стихотворении «Нобелевская премия» не содержится ничего антисоветского, да к тому же и передавал его Пастернак британскому корреспонденту для родственников, живущих в Англии. (Напомню, что после публикации Генеральный прокурор СССР предъявил Пастернаку обвинение в государственной измене; проступок оказался не четой августовским и октябрьским путчам!) Наконец, над гробом мужа Зинаиде Николаевне, оказывается, хотелось произнести слова: «Прощай, настоящий большой коммунист, ты всей своей жизнью доказывал, что достоин этого звания». Нет сомнения, что за подобными строками и утверждениями стояло прежде всего желание облегчить судьбу посмертных изданий Пастернака; жаль, этого не захотели подчеркнуть в комментариях издатели мемуаров. Не нам бросать камни во вдову поэта: сам Пастернак уберегал нас от этого, когда писал в 1956 году, что Пушкину «следовало жениться» не на Наталье Николаевне, а «на Щеголеве и последующем пушкиноведении».

Именно в пятидесятые годы, «заставив весь мир плакать», почувствовав, что пробил час «полной гибели всерьез», Пастернак уже с трудом переносил даже внешние атрибуты советской элитарности. Вспомним его демонстративно пустой («аскетичный») перedelкинский кабинет. Не удивительно, что тогда же рождаются горькие строки эпиграммы о «пришедших по вкусу времени» друзьях и родных.

Василий Ливанов вспоминает слова своей матери: «Борис Леонидович сказал, что этот роман дороже ему его физической жизни... Какой ужас!». Искренне любившие Пастернака люди не могли понять, что все сказанное в романе о смысле творчества, жизни и смерти не пустые слова, а кредо автора «Доктора Живаго».

В 1938 году (согласно недавно опубликованному чекистскому документу) Пастернак говорил: «Обороняться от гнета и насилия, существующего сейчас, следует лишь уходом в себя, сохранением внутренней честности. Это сейчас требует героизма, нужно хотя бы пассивное сопротивление царящему одичанию и кроважидности». Еще большего героизма потребовало сопротивление активное — создание и публикация романа. Выиграв в 1957 году сражение с кроважным режимом и доказав, что один в поле воин, Пастернак уже не мог заботиться о сохранении перedelкинского быта, хотя для безопасности и спокойствия близких готов был подписывать покаянные письма. Итог не мог измениться — роман был опубликован, свободное слово Правды без кавычек было произнесено. Публикация «Доктора Живаго» спустя три десятилетия довершила разрушение основ советского государства, лишний раз подтверждая правоту большевиков. Они знали, что делали, когда, не успев прийти к власти, уничтожили свободу печати, уже 26 октября 1917 года закрыв «буржуазные газеты». Закавыченная же «Правда» на публикацию романа на родине Пастернака откликнулась бездарной и беспомощной статьей Д. Урнова: эту статью (как совпадающую с точкой зрения своего покойного отца) и перепечатал в своих воспоминаниях Василий Ливанов.

Взаимные недовольства, споры, несогласия вокруг фигуры большого художника, к сожалению, неизбежны, когда вчерашняя жизнь неожиданно становится историей. Публикация «наследия» обретает черты спортивного соревнования, даже внутренние честные мемуаристы не могут не противоречить друг другу, а интерпретации исследователей часто воспринимаются в штыки «современниками и друзьями». Этих вопросов коснулся сын поэта — Е. Б. Пастернак, выступая на вечере в Доме Марины Цветаевой, посвященном очередной годовщине со дня рождения Бориса Пастернака. Затем исполнились юношеские музыкальные произведения юбиляра, а под конец с чтением отрывков из «Доктора Живаго» выступили студенты IV курса Щепкинского училища. О них не хочется писать плохо, но художественная ткань одного из самых сложных текстов русской прозы XX столетия звучит парадийно, когда прозвучат по канонам советской школы художественной декламации, все еще господствующей на волнах российского радио и в стенах театральных училищ. Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой посмертной судьбы писателя: тексты перемещаются из круга элитарного чтения в обиход массовой культуры.